

Андрей Лазарчук

ВСЁ ХОРОШО

Москва
RUGRAM
2022

УДК 821.161.1
ББК 82(2Рос-Рус)6
Λ17

Лазарчук А.

Λ17 Всё хорошо: [роман] / Андрей Лазарчук. — М. : «Т8 Издательские Технологии» / RUGRAM 2022. — 598 с.

ISBN 978-5-521-73913-4

Андрей Лазарчук — живой классик русской фантастики, ученик братьев Стругацких и создатель собственной литературной школы, лауреат всех основных премий в своем жанре. Однако сам писатель полагает, что его произведения не являются фантастикой как таковой. Определяя собственный художественный метод, он называет его «турбореализмом».

И вот боевая подводная лодка выкрашена в желтый цвет, Ильич проверяют школьников на наличие оберегов, в ковчеге находят друг друга Мастер и Принцесса, на середине Пути встречаются Страж и Рыцарь...

УДК 821.161.1
ББК 82(2Рос-Рус)6

© Лазарчук А. Г. 2021
© Оформление.

ISBN 978-5-521-73913-4

АО «Т8 Издательские технологии», 2022

КУЗНЕЧИК

Наверное, начиналась осень. Днем уже не было такой духоты, а ночи стали темными и длинными. Лес затянуло паутиной. В кронах берез пробились желтые пряди.

Кузнечик помнил, что после осени всегда бывает зима, но не задумывался над этим. Все равно скоро придет отец и отвезет его обратно в город. Ведь он знает, что Кузнечику плохо одному. И продуктов почти совсем не осталось...

У Кузнечика никогда не было мамы. Зато был отец. Отец был большой и сильный, он учил Кузнечика читать и ловить рыбу. У них было много книг и моторная лодка. По вечерам, когда отец приходил с работы, а Кузнечик — из садика, они читали друг другу вслух, а по выходным дням плавали на рыбалку. Кузнечик умел почти все: разводить костер, ловить рыбу, снимать ее с крючка; теперь он научился чистить ее и жарить в костре на прутике — так же, как отец. Сначала ему было очень тоскливо одному и все время хотелось плакать. Потом он привык. Потом к нему пришла собака, и они стали жить вместе.

Собака была огромная, черная, лохматая и умная. Кузнечик часто и подолгу разговаривал с ней, и собака, наклонив голову, слушала внимательно, не перебивая. Особенно она любила, когда Кузнечик рассказывал ей про отца. Например, как однажды они с отцом просто так бродили по городу, и отец купил Кузнечику воздушный шарик. А когда они зашли перекусить, шарик вдруг отцепился от пуговицы, к которой Кузнечик его привязал, и улетел на потолок. Кузнечик расстроился, все время смотрел на шарик, и скользкое заливное упало с его тарелки на пол. Кузнечик расстроился еще больше, потому что заливное любил. А когда они вышли из кафе, отец подошел к тетеньке с шарами и купил все шары, какие у нее были, а потом они шли по городу, вернее, это отец шел, а Кузнечик изо всех сил держался за связанные нитки и летел, и не было никого на свете счастливее, чем он... И разные другие истории он ей тоже рассказывал.

По утрам собака уходила в лес, возвращалась вечером и каждый раз приносила зайца. Но Кузнечик не знал, что нужно делать с зайцами. Кроме того, он их жалел. Рыб он не жалел: они были глупые и холодные. А зайцев собаке приходилось съедать самой.

Вечерами они сидели около избушки просто так. Иногда на небе разыгрывались Небесные Картины. Светящиеся полосы свивались спиралями, рассыпались огненными брызгами, гасли и вновь появлялись в другом месте; иногда будто бы яркая звезда срывалась с неба и падала, разбрасывая искры... А иногда на полнеба разливалось голубоватое зарево, краснело, меркло, а потом возникал гул, будто приближался поезд, и земля вздрагивала. Однажды такие вспышки сверкали всю ночь, весь день и еще одну ночь, а на дру-

гой день небо заволокло тучами, и солнце больше не показывалось. И вспышки тоже стали очень редкими.

Один раз что-то черное, охваченное пламенем, пробило тучи и упало в озеро. К счастью, Кузнечик и собака были не на берегу, а в избушке. Волна, поднятая взрывом, докатилась до самого крыльца. Зато в этот день можно было не рыбачить: на берег выбросило много-премного рыбы, и надо было только пройти и собрать самую крупную.

В этот вечер Кузнечик рассказал собаке, как отец привез его сюда. Они долго, целых три дня плыли на лодке, и река становилась все уже и уже, и потом вдруг берега раздвинулись, и они оказались на этом озере. А потом они нашли избушку и причалили около нее. Кузнечик сразу выпрыгнул на песок, а отец стал выгружать из лодки мешки и ящики. Потом они перенесли все это в избушку. Во всех мешках и ящиках были консервы и сухари и сахар, а в одном ящике книги и мешочек, полный прозрачных пакетов. Отец показал Кузнечику, где лежат дрова, и Кузнечик разжег костер. Они поужинали и легли спать в избушке. Только ночью Кузнечик проснулся и увидел, что горит свеча, отец сидит за столом, а на столе лежат книги. Отец заворачивал книги в те прозрачные пакеты и складывал в сундук. Многие книги он перелистывал, печально и бережно, а потом вдруг закрыл лицо руками и застыл, и Кузнечик страшно испугался, потому что понял, что отец плачет, но ведь это было невозможно, немыслимо — чтобы отец плакал...

Утром отец обнял Кузнечика и долго не отпускал. — Вот так, малыш, — сказал он. — Щи в котле, каравай на столе, вода в ключах... Вода в ключах... Помнишь дальше? — Кузнечик помнил. — И не плачь, — добавил

отец. — Мужчины не плачут. — А сам? — спросил Кузнецик. — Я нечаянно, — сказал отец. И еще он сказал, что должен плыть обратно — Кузнецик знает, что такое «должен», — а сюда к Кузнецику приплывет Полина. Через несколько дней. А до тех пор, ничего не поделаешь, Кузнецику придется пожить одному.

Кузнецик очень крепился и не плакал, пока было видно лодку. Потом он, наоборот, плакал очень долго, до самой ночи, и уснул на берегу. А ночью в первый раз появились Небесные Картины и стали вспыхивать за рева. И вот уже сколько дней прошло, а Полина так и не приехала. И отец все не возвращается и не возвращается...

Собака слушала и молчала, и Кузнецику было немного досадно, что она молчит. Ведь бывают же говорящие собаки, да и не только собаки — он сам читал. А с Полиной Кузнецик познакомился совсем недавно. Сначала они с отцом пришли к ней в гости, а потом все вместе пошли гулять. Это было интересно, потому что Полина оказалась добрая и смешная. Они все вместе ели мороженое, а потом катались на маленьком пароходике. Самое интересное было то, что Полина приехала издалека, из Франции. Кузнецик не знал, где это, и потихоньку спросил отца. Отец-то ему и сказал, что это очень далеко. Дальше Северного полюса? — спросил Кузнецик. Отец подумал и сказал, что, пожалуй, дальше, только в другую сторону. Тогда Полина стала нравиться Кузнецику еще больше, потому что только смелые люди ездят на Северный полюс и дальше, а к смелым людям у Кузнецика было особое отношение. Взять, к примеру, пограничников...

Дома отец немного рассказал о Полине. Оказывается, ее мама очень давно уехала во Францию, а потом

вернулась. А Полина родилась во Франции, хорошо знает язык и работает переводчицей. Но теперь мама ее умерла, и Полина живет совсем одна. Ей плохо одной, сказал отец. Как твое мнение, может, возьмем ее к себе? Кузнечик подумал и сказал, что это, пожалуй, стоящее дело... Собака повздыхала немного, потом принялась зевать, и они отправились спать.

Ночью Кузнечика разбудил грохот. Он выглянул из избушки. Ветер чуть не сбил его с ног. Небо было исполосовано молниями, гром ревел непрерывно, хлестал ливень, это была страшная, небывалая, кошмарная гроза, но это была обычная гроза, и Кузнечик ничуть не испугался, а даже обрадовался ей, как старому знакомому. Наверное, все возвращается к старому, и скоро приедет отец. Потом Кузнечик закрыл дверь, но уснуть не удалось: дождь молотил по крыше, потекло с потолка...

Ливень прекратился внезапно, как и начался. Кузнечик вышел на крыльцо — и замер. Такого он не видел никогда. Лес светился. Каждое дерево, каждый лист на ветке, каждая травинка будто бы изнутри светилась сиреневатым холодным светом; это было красиво, но почему-то жутковато. Может быть, потому, что небо из-за этого света стало еще чернее, чем раньше, и опустилось совсем низко, на самые верхушки деревьев...

Утром собака, как обычно, ушла в лес, а вечером не пришла. Кузнечик долго ждал ее, потом уснул. Ему приснился отец: как он сидит за столом и упаковывает книги, и кладет их в сундук... Проснулся Кузнечик от того, что ему было плохо. Тошнило, и очень болел живот. Он сбегал на двор, стало немного полегче, но потом сильно закружилась голова, он упал и не мог встать до утра. Утром головокружение почти прошло, но

страшно, до слез, заболело все тело. Совсем не хотелось есть, при одной мысли об еде начинало мутить. Было холодно, очень холодно. Зато теперь Кузнечик знал, что ему нужно делать.

С трудом он сел за стол. Перед ним, как перед отцом тогда, лежала стопа книг. И Кузнечик, в точности как отец, стал брать книги, заворачивать их в полиэтиленовые пакеты и класть в сундук. Последнюю книгу он раскрыл и перелистал. Называлась она «Девяносто третий год», и написал ее писатель Гюго — тот самый, который написал «Гавроша». На титульном листе был их с отцом экслибрис: веселый чертик примостился на месяце, свесив копытца. Но ниже этого экслибриса Кузнечик с изумлением увидел другой, новый: на толстой книге, задумавшись, сидит обезьяна и держит в руке человеческий череп. На корешке книги написано: «Дарвин». Кузнечик знал, кто такой Дарвин, отец читал и рассказывал про него. Дарвин первым придумал, что человек произошел от обезьяны. «Пап, а что, — спросил тогда Кузнечик, — тебя сделали из большой обезьяны, а меня из маленькой?» И они потом долго вспоминали это и смеялись. Так что про Дарвина Кузнечик знал всё. Но смысла этой картинки он, как ни старался, понять не мог. Потом у него заболела голова, и он не мог больше размышлять.

Он положил эту последнюю книгу в сундук и закрыл крышку. Теперь надо было для надежности опустить сундук в подвал. Кузнечик попытался сдвинуть его — не получилось. Тогда он вспомнил, как отец объяснял ему, что такое рычаги. Он нашел веревку, один конец привязал к ручке сундука, а другой — к черенку лопаты, встал так, чтобы веревка проходила над открытым люком, воткнул лопату в щель между половицами и всем

весом налег на черенок. Тяжелый сундук сдвинулся на несколько сантиметров. Кузнечик намотал образовавшийся излишек веревки на черенок, снова воткнул лопату и снова налег. Так он делал много раз, пот заливал лицо, в глазах потемнело, сердце колотилось, он падал от боли и слабости, но опять поднимался и принимался за работу, и наконец проклятый сундук дополз до люка и обрушился вниз. Кузнечик очень долго лежал на полу, потом подполз к люку и захлопнул крышку. Теперь он сделал все.

Он добрался до двери и сел, опершись о косяк. Тела он уже не чувствовал, оно то ли уплыло куда-то, то ли растворилось. Так он сидел и смотрел, как прячется за деревья солнце. Небо было синее-синее и чисто-чистое, как раньше. Собака подползла к нему и легла рядом. Она тяжело дышала и смотрела на Кузнечика с надеждой — ждала, что он ей поможет. Кузнечик обнял ее, зарылся лицом в шерсть и закрыл глаза. Он слышал, как подошел отец, сел рядом и положил руку ему на голову, но не пошевелился и не откликнулся, когда отец позвал его.

Ему было тепло.

СЕРЕДИНА ПУТИ

Луна, как могла, освещала кремнистую тропу. Лес здесь подступал вплотную: давил, трещал, гукал, свистел, а когда тропа поворачивала так, что луна скрывалась за кронами, в зарослях кто-то начинал тяжело ворочаться, и конь хрипел и рвался, а рыцарь крепче сжимал рукоять меча и напряженно всматривался в темноту.

Луна уже цеплялась краем за льдисто поблескивающий горный пик, когда сквозь чернь листвы впереди рыцарь увидел оранжевый отсвет костра.

Костер горел прямо на тропе. Перед ним, глядя в огонь, сидел человек. Услышав шаги, человек поднял голову и стал всматриваться напряженно и тревожно, и рыцарь понял, что глаза человека полны светом огня и не видят его, облитого темнотой, — и шагнул в отброшенный костром свет.

— Здравствуйте, человек, — негромко сказал он.

— Здравствуйте, рыцарь, — сказал человек. — Садитесь поближе. Вы устали, наверное?

— Я уже не надеялся выбраться, — признался рыцарь, переводя дыхание.